

А. Е. АЛИХОВА

К ВОПРОСУ О БУРТАСАХ

Имя «буртасы» относится к одному из загадочных народов Поволжья, упоминаемых в арабских источниках X в. Современные исследователи неоднократно пытались с большим или меньшим успехом разрешить вопрос, где жили буртасы и какому из современных народов их можно приписать. За последнее время в археологической литературе твердо установилось мнение, особенно в связи с последней работой В. В. Гольмстен¹, посвященной специально этому вопросу, что буртасы представляют собой не что иное, как мордву-мокшу. Однако при тщательном просмотре источников выявляется ряд несоответствий, которые обычно обходят молчанием.

Еще И. Н. Смирнов, автор большой монографии по мордве, отверг возможность отождествления буртасов с мордвой². Почти одновременно с ним А. Н. Грен прочитал доклад на тему: «Где жил народ буртасы и где находился центр хазарского каганата, Итиль?»³ Прежде чем говорить о буртасах, он ставит вопрос о местонахождении г. Итиль. Исходя из того, что в нижнем течении Волга раньше имела иное, чем теперь, направление, свидетельством чему является старое русло, которое «идет от Ахтубы, направляясь к Северному Кавказу, и оканчивается у Кумы, недалеко от Маджарских развалин», и ссылаясь на то, что калмыки, поселившиеся в этих местах сравнительно недавно (в XVII в.), называют это русло Индтелезе-черкен-гея, т. е. старое русло Итиля, — Грен считает, что изменение течения Волги произошло в исторические времена и что в эпоху хазарского каганата Итиль лежал не около Астрахани, а на р. Куме. Далее, на основании этнографических данных, приведенных в известиях восточных писателей X в., и генеалогической таблицы персидского историка Мирхонда, который говорит: «У Кумары (т. е. реки Кумы, по мнению Грена. — А. А.) два сына — Булгар и Буртас», Грен приходит к выводу, что под рекою Буртас следует разуметь именно р. Куму. Так как на Куманской плоскости живут чеченцы, которых аварцы называют буртијау или буртизал, то под буртасами надо разуметь чеченцев.

Насколько прав в последнем положении автор, в настоящее время не беремся судить, но что буртасы жили значительно южнее мордвы, не подлежит никакому сомнению. Этот вывод основан на новейших геологических данных, в свете которых выглядят иначе, чем раньше принимали, сведения восточных писателей о буртасах. Прежде чем переходить к последним, остановимся на выдвинутом Греном вопросе о местоположении г. Итиль и в первую очередь на изменении гидрографии северо-западного Прикаспия.

В. Н. Семенович⁴, разбирая этот вопрос в своей работе «Гелюны

¹ В. В. Гольмстен, Буртасы, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIII, М.—Л., 1946.

² И. Н. Смирнов, Мордва, Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, тт. X, XI, XII, 1892—1894.

³ Чтения в Истор. обществе Нестора летописца, кн. 13, Киев, 1899.

⁴ В. Н. Семенович, Гелюны и мордва, вып. 1. Гелюны, М., 1913.

и мордва», цитирует П. Семенова: «Весною долина Маныча наполняется водой, приносимой в нее речками. Вследствие сего во всей долине происходит водосток на две противоположные его стороны, т. е. с одной стороны на ю.-в. в направлении к озеру Геке-Узун и к Кумской низменности, а с другой стороны, к с.-з. в Дон... Утверждают, что в иные годы течение Восточного Маныча доходит до рукава Кумы Гайдука и вместе с сим последним достигает даже до Каспийского моря, так что в такие годы существует возможность проехать в лодке по непрерывному водному пути из Каспийского моря в Азовское»⁵.

Вполне естественно, что затронутый вопрос может быть разрешен в первую очередь геологическими исследованиями. За последнее время в связи с развернувшимся строительством на Волге и Маныче был собран большой геологический материал. М. М. Жуков в своей работе «К стратиграфии каспийских осадков низового Поволжья»⁶ выделяет четвертый ярус — послехвалынский, который, как он говорит, включает «в себе исторический период человека». Так как приведенный им геологический материал заслуживает внимательного к нему отношения археологов, приводим ниже дословно соответствующий раздел его работы, сделав ничтожные сокращения (опущены п. п. 3, 5—7, 9 и 11, где даны фазы миграции Волги, перечисление озер и населенных пунктов и геологические данные).

М. М. Жуков при описании послехвалынского яруса указывает на «одно чрезвычайно интересное явление, связанное с перемещением низовой части волжской ложбины. На основании изучения разреза у Красноармейска, где шоколадные глины выстилают древнюю эрозионную ложбину, направляющуюся вдоль современной долины речки Сарпы, можно предполагать, что направление волжского стока хвалынского времени не совпадало с современным положением Волги на участке ниже Сталинграда. Волга от Сталинграда направлялась не к востоку, как сейчас, а текла на юг, вдоль обрыва Ергеней, и пересекала современную долину р. Восточного Маныча в районе Состенских озер. В последнем можно убедиться, изучая продольный профиль Маныча, составленный Манычстроем на основании буровых работ 1932 г. На этом профиле можно видеть линзу песка шириной в несколько километров, выполняющую древний отрицательный элемент рельефа. Эти пески соответствуют, повидимому, пескам «промежуточной» террасы Волги и пескам надпойменной террасы р. Сарпы. Таким образом, проток Волги вдоль Ергеней существует не только в хвалынском веке, но и после него.

В дальнейшем направление волжского потока отклоняется от подножья ергенинского уступа на юго-восток».

Далее автор фиксирует свои выводы следующими положениями:

«1. После отложения хвалынских слоев и песков «промежуточной» террасы развивается эпейрогеническое поднятие юго-западной части Калмыцкой степи. 2. Одной из центральных точек этого поднятия является Бузгай. 3. Этим поднятием нижняя часть волго-ергенинского протока оттесняется к востоку... 4. Перемещение Волги развивается все более и более в восточном, а затем в северо-восточном направлении. 5. Перемещение фиксируется несколькими этапами, из которых особенно отчетливо, кроме вышеуказанного, могут быть отмечены еще два. 6. На протяжении всех трех протоков у современного берега Каспия видим максимальное развитие широтно-вытянутых ильменей⁷ и

⁵ В. Н. Семенович, Указ. раб., стр. 126—127.

⁶ Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, IV, вып. 2, М.—Л., 1935, стр. 227—273; М. М. Жуков, Миграция дельт рр. Волги, Кумы и Урала за послеледниковое время, Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (Inqua), вып. IV, Л.—М., 1939.

⁷ Ильмени — протоки.

Бэровских бугров⁸. Если присмотреться к плану расположения этих интересных элементов рельефа, то можно видеть, что площадь их распространения очерчивается треугольником. Основание треугольника обращено к морю, а вершина направлена навстречу протоку Волги этого времени. Иначе — треугольник как бы намечает дельту тогдашней Волги.

Уже одно это обстоятельство — преимущественная локализация Бэровских бугров в контуре бывшей дельты Волги — указывает, как мне кажется, на способ их происхождения. Вытянутые с запада на восток, т. е. в направлении древнего потока реки, они могли образоваться как сохранившиеся от размыва участка Прикаспийской низины. Широко разлившиеся здесь воды древней Волги промывали себе протоки в виде современных «бесчисленных» рукавов устьевой части Волги. Эти протоки сейчас называют ильменями, а разделяющие последние «водораздельчики» — Бэровскими буграми».

В заключение автор говорит, «что поднятие Прикаспийской степи, отмеченное у Бузгая и имевшее место в послехвалынское время, нашло свое отражение также и в Предкавказье. Если сравнить высотное положение основания абразионного уступа Ставрополя на севере, у долины В. Маныча, и на юге у Терека, то оказывается значительная разница в высотах отмеченных пунктов: Калмыцкая степь между Манычем и р. Кумой имеет максимальные отметки 50 м. абс. высоты. Тот же геоморфологический элемент у долины Терека имеет отметку около 140 м. абс. высоты. Таким образом, за время после отложения хвалынских осадков произошло поднятие южного участка Прикаспия на высоту до 90 м.»

Очевидно, этот процесс продолжается и до настоящего времени. М. М. Жуков в другой своей работе «Миграция дельт рр. Волги, Кумы и Урала за послеледниковое время» говорит, что на сессии Академии Наук в 1933 г. П. А. Православлев утверждал на основании наблюдений по северному берегу Каспия, что море отступает, так как зафиксированные на десятиверстной карте острова у северного берега в настоящий момент спаялись с континентом⁹.

Если процесс поднятия материка происходит буквально на наших глазах, то вполне законно предположить, что в более древнее время соединение Каспийского моря с Азовским было не случайным явлением, как это отмечено П. Семеновым для XIX в., а более долговременным и, возможно, даже еще в X в. н. э. постоянным. На это имеются указания в письменных источниках.

В новом списке географии, приписываемом Моисею Хоренскому (VI—VII вв.)¹⁰, читаем: «В Сарматии лежат горы Кераунские и Иппийские... Ира (читая Ра)... вытекает на севере в неизвестной стране двумя истоками, которые затем соединяются, а дойдя до Гиппийских гор, выделяют из себя рукав к Танаису, впадающему в море Меотис. Остальная часть поворачивает к востоку у гор Кераунских, после того соединяются с нею две реки, текущие из северо-восточных гор Римика и делают из нее реку с семидесятью рукавами, которую турки называют Атиль. Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ баслов... Рукава реки Атиль за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море, отделяя Сарматию от Скифии».

Арабский историк X в. Масуди, специально интересовавшийся вопросом, каким образом соединяется Азовское море с Каспийским, пишет: «Некоторые люди ошиблись и думали, что море Хазарское соединено с морем Маиотас; но я не видел между купцами, отправляю-

⁸ Бэровские бугры — водоразделы между протоками.

⁹ М. М. Жуков, Указ. раб., стр. 23.

¹⁰ См. Патканов, Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому, Журнал Министерства народного просвещения, часть ССXXVI. Азиатская Сарматия (по новому списку), март 1883 г., стр. 29—30.

шимися в страну Хазар и путешествующими по морю Маиотас и Наитас в страну Рус и Бургар, ни одного, который бы думал, что с Хазарским морем соединяется одно из этих морей или часть из их вод, или один из их рукавов, кроме Хазарской реки»¹¹. Каким образом происходило это соединение, можно проследить по описанию тем же автором походов русов в 912—913 гг. «После этого (т. е. договоренности с хазарским гарнизоном и князем.— А. А.) они вышли (из залива Черного моря) в канал, достигли устья реки и плыли вверх по этому рукаву реки, пока не прибыли к Хазарской реке, потом вниз по Хазарской реке до города Итиля, а река эта большая, мимо этого города к устью реки, к месту ее впадения в Каспийское море. От этого места до города Итиля эта могучая, обильная водой река»¹².

В греческих источниках можно также найти указания на соединение бассейнов Азовского и Каспийского морей. У Страбона в описании Каспийского моря сказано: «И об этом море присочинено много ложного... Меотийское озеро, принимающее в себя Танаис и Каспийское море, соединяли в одно целое, называя озером и последнее и утверждая, что оба они сливаются друг с другом и одно составляет часть другого. Поликлит приводит даже доказательства того, что это море представляет собою озеро, именно, что в нем водятся змеи и вода его пресновата, а что оно не отделено от Меотиды, он доказывает тем, что в него впадает Танаис»¹³.

В описании истоков реки Танаис у древних географов встречаются большие разногласия, отмеченные еще Страбоном¹⁴. Одни из этих писателей указывали, что Танаис берет свои истоки в будинских и гелонских болотах, т. е. примерно в тех же широтах, что и современный Дон, другие же — в Рипейских (Уральских) горах и третьи — в Кавказских. При этом в двух последних случаях связывали Танаис с рекой Ра — Волгой.

Семенкович, сделавший выборку этих сведений¹⁵, следующим образом объясняет расхождения в древних источниках: «те географы, которые считали, что Танаис берет начало в Кавказских горах, принимали за Танаис современный западный Маныч. Те же, кто плыл по левому рукаву (теперешний Дон), — вполне правильно заключали, что он берет начало из будинских и гелонских болот». Интересно отметить, что большинство авторов указывают истоки Танаиса с Рифейских гор или Кавказа и крайне редко — с севера, из земли будинов. При этом следует обратить внимание, что древние историки, как правило, отмечали, что Танаис является пограничной рекой между Европой и Азией. Следовательно, левобережье Танаиса имело какие-то отличительные физико-географические особенности, чего нельзя сказать про современный Дон.

Приведенные сведения хотя и не являются исчерпывающими, но для нашей цели вполне достаточны.

¹¹ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русах СПб., 1870.

¹² Масуди, Цитирую по В. В. Бартольд, «Арабские известия о русах, «Советское востоковедение», т. I, стр. 24.

¹³ В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, «Вестник древней истории», М.—Л., 1947, № 4, стр. 226—227.

¹⁴ Там же, Мнения писателей о направлении течения реки Танаис, стр. 186.

¹⁵ Ниже перечисляем эти сведения, изложенные в указанной работе Семенковича, причем страницы даем по этой книге, а цифры, поставленные перед именем автора, означают номера в указателе, приложенном Латышевым к его работе: стр. 74, 75 — № 75 Страбон; стр. 77 — № 78 Схолии к «землеописанию Дионисия», «Вестник древней истории», 1948, 1, стр. 239; стр. 81—№ 85 Мудрейшего Никифора Влеммида; стр. 96 — № 129 Филосторгий; стр. 107—108 — № 152 Помпоний Мела, § 115; стр. 110 — № 155 М. Аннэй Лукан; стр. 116 — № 168 Аммиан Марцеллин; стр. 119 — № 170 Руфий Фест Авнен; стр. 121 — № 174 Павел Оросий; стр. 122 — № 178 Юлий Гонорий.

Следующий вопрос, на котором следует остановиться, — это местонахождение болгар, рядом с которыми жили бургасы. Как уже упоминалось выше, Грен привел слова персидского историка Мирхонда, что у Кумары два сына — Булгар и Бургас¹⁶. Поскольку и приводимые нами ниже сведения о бургасах помещают эти два народа вместе, причем обычно подразумевают под болгарями — волжских болгар, обратимся к их истории. М. И. Артамонов в своей работе «Очерки древнейшей истории хазар», подробно разбирая этот вопрос¹⁷, приходит к выводу, что «болгарские племена занимали не только Причерноморье и Приазовье, но и все пространство степей, прилегающих с запада к Каспийскому морю»¹⁸. По Гардизи и Ибн-Русте (X в.), болгары делились на три отдела: «один отдел зовется берсула, другой — эсегел и третий — болгар»¹⁹. Исходя из сказанного, вполне закономерно предположить, что часть болгар, сохранивших это наименование, осталась на своих исконных местах, подтверждение чего М. И. Артамонов видит в современном имени народа балкар.

Учтя все сказанное выше, перейдем непосредственно к бургасам.

Ал-Масуди, описывая поход русов 913 г., говорит, что на обратном пути их из прибрежных каспийских стран, при входе в Итиль, на них напала гвардия кагана. Русы покинули суда, сошли на берег, где вблизи Итиля и приняли бой. Три дня длилось сражение, и русы были побеждены. Оставшиеся 5 тысяч человек отплыли к другой стороне реки поблизости страны бургасов, там покинули свои суда и вышли на сушу. Некоторые из них были убиты бургасами, другие попали в страну болгар — мусульман, которые их перебили²⁰. Здесь в первую очередь следует отметить, что бургасы обитали недалеко от Итиля вверх по реке, а дальше жили болгары, причем это были, очевидно, не волжские болгары, как обычно считают, а прикавказские. Действительно, если считать, что бургасы — это мордва-мокша, то русы должны были бы проплыть примерно 1000 км вверх по реке, прежде чем достигнуть южных областей обитания бургас — мордвы, что у них заняло бы около месяца времени и примерно столько же до волжских болгар. Трудно предположить, что два столь удаленных во времени и пространстве события были отмечены в документе лишь тем, что они отплыли к другой стороне реки поблизости страны бургасов.

Еще яснее это выступает в сообщении Ибн-Хаукаля о походе Святослава 965 г. Он говорит: «И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям Божиим из хазар, болгар и бургасов, и овладели ими. И искало убежище население Дербента и укрепились там, а некоторые живут в страхе на острове Сиякух (полуостров Мангышлак)». В той же главе сказано: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от бургасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области, которые перешли во власть их (русов)»²¹.

В этом документе чрезвычайно ясно сказано, что бургасы и болгары жили недалеко от Итиля. Сам Бартольд, приводя это известие, усомнился в разгроме Святославом волжских болгар. Ему каза-

¹⁶ А. Н. Грен, Указ. раб.

¹⁷ М. И. Артамонов, Очерки древнейшей истории хазар, стр. 88—117.

¹⁸ Там же, стр. 102.

¹⁹ Д. А. Хвольсон, Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьрах, славянах и русах Абу-Али-Ахмед-бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 22.

²⁰ А. Ю. Якубовский, О русско-хазарских отношениях в IX—X вв. «Изв. АН СССР, Серия истории и философии», т. III, № 5, 1946, стр. 465—466; В. В. Бартольд, Арабские известия о русах, «Советское востоковедение», т. I, стр. 35.

²¹ Цитирую по В. В. Бартольду, Арабские известия о русах, стр. 35.

лось невозможным совместить разгром Болгар с дальнейшим его существованием и особенно ростом. К тому же русская летопись умалчивает об этом факте. Если же принять, что болгары, упомянутые Ибн-Хаукалем, жили в низовьях Волги, то и маршрут похода Святослава становится более правдоподобным.

Приведенные нами данные также вполне согласуются с указанным в ответном письме хазарского царя Иосифа перечнем народов, живущих по р. Итиль и платящих ему дань, причем этот перечень дан по течению р. Волги. Начиная с юга это: «Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, Вы-н-тит, С-в-р, сл-виюн»²², иначе говоря, буртасы, болгары (но не волжские), сувар, эрзя (мордва), черемисы и т. д. Единственным, пожалуй, возражением выдвинутой нами локализации буртасов на юге, где-то в Прикавказье могла бы служить часть сообщения Ибн-Русте (начало X в.) и Ал-Бекри, пользовавшихся, по мнению переводчика и комментатора последнего В. Розен²³, одними и теми же источниками. У Ибн-Русте читаем: «Земля буртасов лежит между Хазарской и Болгарской землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой». Однако ниже он говорит: «Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду, главное же богатство их состоит в кунных мехах»²⁴. Крайне сомнительно разведение в мордовских лесах верблюдов, да и для какой цели? К тому же это не подтверждается материалом археологических памятников. В то же время эта часть сообщения является лишним доказательством южного обитания буртасов. Что же касается куниц, то они, как пишет Брэм²⁵, «населяют все части света, за исключением Австралии, все климаты и пояса гор, встречаясь одинаково как на равнинах, так и в гористых местностях», в частности, каменная куница, или белодушка (*Mustela putorius*), распространенная в умеренной полосе европейской части СССР до Урала, Крыма и Кавказа.

В. В. Гольмстен в своей работе «Буртасы» обращает внимание на то, что «Ибн-Фадлан, который, в противоположность большинству восточных авторов, был сам в Болгарах, ничего не говорит о буртасах. Как могло произойти,— пишет указанный автор,— что Ибн-Фадлан, так подробно описавший даже племена, встреченные им по дороге в Булгар, игнорировал такое крупное этническое образование, как буртасы — южные соседи булгар?»²⁶ В. В. Гольмстен объясняет это маршрутом Ибн-Фадлана не по Волге, а через Закаспийские и Заволжские степи, а возможно, и утратой части текста, где могли быть сведения о буртасах. С нашей точки зрения, вероятнее всего Ибн-Фадлан и не мог о них ничего знать, так как буртасы жили значительно южнее.

Большие затруднения для отождествляющих буртасов с мордвой представляет отсутствие на ее территории большой реки, именуемой Буртас, по которой, как говорит Масуди, ходит множество барок хазар и булгар, выходящих из страны Болгар, добавляя, что... земля болгар находится у Меотиды²⁷. Если же к этому добавить сообщение Ал-Бекри²⁸ о том, что у буртасов имеется большое количество торговых мест, то картина складывается вполне определенная. Сообщение Востока с Западом в X в., как это видно из описания похода русов 913 г., шло по Манычу и Волге. Здесь проходил оживленный торговый путь, здесь, вероятно, и жили буртасы.

²² Н. К. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка в X веке, Казань, 1923, стр. 98—99.

²³ А. Куник и В. Розен, Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, СПб., 1878.

²⁴ Д. А. Хвольсон, Указ. раб., стр. 19—21.

²⁵ Брэм, Жизнь животных, т. I, II, стр. 218.

²⁶ В. В. Гольмстен, Указ. раб., стр. 18.

²⁷ А. Я. Гаркави, Указ. раб., стр. 132—133.

²⁸ А. Куник и В. Розен, Указ. раб., стр. 61—62.

В русских письменных источниках буртасы впервые упоминаются в период монгольского нашествия. В Воскресенской летописи, излагающей побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем, сказано: «В лето 6888 прииди из орды ордынский князь Мамай с единомысленники своими, с всеми князьями ординскими, и с всею силою Татарскою и половецкою, а еще к тому рати понаимовал бесермен и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы»²⁹.

Этот документ для нас особенно важен. Во-первых, включение буртасов в перечень вместе с кавказскими народами указывает на их родину где-то в прикавказье или, может быть, даже в то время и на Кавказе; во-вторых, эти сведения указывают на время появления буртасов в междуречье Оки и Волги.

Многие исследователи при отождествлении буртасов с мордвой обосновывают свое заключение на данных топонимики. Однако при более тщательном анализе этих данных выявился большой район распространения географических наименований — «буртас», «буртасский» и за пределами обитания мордвы³⁰. В то же время наблюдения показывают, что автохтонное население, как правило, не оставляет в большом количестве своего племенного названия в тех местах, где оно живет, например, у мокши есть только одна одноименная река. В то же время, если буртасы — это мордва-мокша, то совершенно непонятно существование на одной и той же территории двух племенных наименований, причем буртасы передают свое имя месту своего обитания, а мокша не дает. Это объясняется исключительно тем, что буртасы здесь являются пришлым элементом. В поземельных документах XVII в. неоднократно упоминаются «буртасы посопные»³¹ татаровя»³². Например, в Грамоте 1693 г. сказано: ...«и после де писцов те буртасы посопные татаровя из деревни Нагаево и из выставок сошли жить на иные места»³³. О том, что они являются чуждым элементом на мордовской земле, свидетельствует и то, что они не имеют своего леса, а «секут в мордовском черном лесу»³⁴.

Таким образом, сравнительно позднее появление сведений о буртасах в русских документах и присоединение к ним эпитета «татаровя» делают вполне обоснованным предположение, что буртасы на мордовской земле являются пришлым элементом, появившимся здесь в период татарского завоевания, о чем ясно сказано в приведенной выше выдержке из Воскресенской летописи.

Поскольку в решении вопроса о буртасах одно из важных мест должно принадлежать археологическим исследованиям и поскольку исключительно на этих данных построена одна из последних работ о буртасах В. В. Гольмстен³⁵, остановимся на ней несколько подробнее.

Привлекая археологический материал, В. В. Гольмстен приходит к выводу, что буртасы — это мордва-мокша. Однако приводимые автором доказательства мало убедительны. Основываясь на указании восточных писателей, что буртасы «занимаются землешеством», автор ссылается на находки на «мордовских» городищах и селищах серпов

²⁹ ПСРЛ, Воскресенская летопись, т. VIII, 1859, стр. 34.

³⁰ А. П. Попов, Буртасы и мордва, Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.

³¹ Посопный (прилагательное), по всей вероятности, происходит от слова посоп, посп, насп — процент, ибо хлеб, получаемый казною от наемщика, есть действительно процент, который он платит за пользование землею (Арх.-истор. Юрид. сведен., кн. 2, 1855, ст. Калачева об Инсаре).

³² Буртасы, исторический очерк и поземельные документы, Симбирский сборник, т. II, Симбирск, 1870, стр. 71—85.

³³ Там же, стр. 79.

³⁴ Там же, стр. 78.

³⁵ В. В. Гольмстен, Указ. раб.

и ручных жерновов. Вряд ли для X в. это может быть доказательством, так как в это время земледелие в средней полосе было явлением всеобщим, а во-вторых, не отмечено, что приводимый материал происходит с южных городищ, принадлежность которых к мордве еще не доказана. Как известно, заселение той или иной территории в IX—X вв. мордвой вследствие неизученности мест поселений в настоящее время определяют исключительно по могильникам, которые находятся севернее, на значительном расстоянии от указанных городищ. О той местности же, где находятся приведенные городища, В. В. Гольмстен говорит, что «часть данной территории, при наличии поселений указанных типов отличается отсутствием могильников». Это может быть объяснено возможностью «существования здесь формы надземных погребений»³⁶. Таким образом, принадлежность южных городищ этого времени мордве еще требует доказательств.

Значительно хуже обстоит дело со скотоводством. Здесь уже имеются явные неувязки. Приводя сведения Ибн-Русте, что буртасы «имеют верблюдов и рогатый скот», и Ал-Бекри, что они «имеют большие стада рогатого скота и овец», автор говорит, что «костный материал из древних поселений позволяет определить состав стада: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья». Во-первых, здесь следует обратить внимание на несовместимость верблюдов и свиней. Первые обычно разводят в сухих местах, в то время как свиней — преимущественно в лесных и вообще в более влажных областях.

По поводу расхождений в сведениях о составе стада В. В. Гольмстен, ссылаясь на то, что о верблюде говорится только у Ибн-Русте, а у Ал-Бекри, пользовавшегося теми же источниками, на это нет указаний, предлагает относиться с осторожностью к словам Ибн-Русте, но все же допускает, что, соседя с кочевыми племенами, «буртасы могли не только видеть верблюдов, но в единичных случаях их и получать». «Во всяком случае,—говорит автор,—верблюд Ибн-Русте — это та единственная ласточка, которая не делает весны». Говоря о развитии пушной охоты у буртасов и в связи с этим широкого обмена с Востоком, В. В. Гольмстен приводит в качестве доказательства «находки в могильниках значительного числа предметов импортного характера. Таковы серебряная и бронзовая посуда, иногда с арабскими надписями, поясные наборы с серебряными бляхами и разнообразные личные украшения восточного происхождения»³⁷.

Если не считать это сильным преувеличением, следует заметить, что те же поясные наборы можно найти по всей территории европейской части СССР и едва ли в меньшем количестве, чем у мордвы. Чувствуя эти преувеличения, автор говорит, что ткани, входившие в число импортных предметов, могли не сохраниться в земле, но в таком случае уместно спросить, на основании чего же можно утверждать, что они действительно были. Далее автор приводит следующий довод. У местного населения существовали культовые воззрения, заставлявшие избегать сопровождение умершего вещами чужеземного происхождения, и это делалось лишь в редких случаях. Об этом можно судить по следующему факту: в то время как на поселениях рядом с местной грубой лепной посудой находится большое количество остатков гончарной посуды болгарского происхождения, в могильниках погребения сопровождаются исключительно лепными сосудами своей выработки³⁸. Во-первых, если не боялись надевать на умершего бусы и

³⁶ В. В. Гольмстен, Надземные погребения в Среднем Поволжье, «Краткие сообщения ИИМК», вып. V, М.—Л., 1940, стр. 56—58.

³⁷ Там же, стр. 23.

³⁸ Там же.

пояса явно привозного характера, то чем же, собственно, отличались глиняные горшки? Во-вторых, вряд ли привозили глиняные сосуды массового потребления издалека. Вернее всего, это были не привозные, а местные. А главное, как уже было отмечено, еще требует доказательств принадлежность южных городищ мордве. Следовательно, в настоящее время еще нельзя объединять мордовские могильники с городищами, расположенными на значительном расстоянии друг от друга.

В вопросе о торговле буртасов В. В. Гольмстен встречает новое затруднение, которое также легко преодолевает. Она пишет: «Трудно отнестись с доверием к словам Ал-Бекри, писавшего, что в стране буртасов «много торговых мест», — наоборот, ничтожное количество восточных монет может служить указанием на отсутствие непосредственных сношений этих охотников за пушным зверем с приезжавшими с Востока купцами. Большинство импортных предметов, находимых в могильниках и поселениях, — это изделия болгарских ремесленников. Булгары же были и посредниками в передаче буртасам в обмен на их пушнину привозимых предметов восточного производства». Здесь, помимо того, что сам автор несколько затруднен отсутствием «торговых мест» на предполагаемой территории буртасов, она выдвигает неправильное мнение, что находимые «у буртас», т. е. мордвы, импортные вещи — это изделия болгарских ремесленников. Изучение мордовских могильников IX—X вв. опровергает это положение. У мордвы в это время прослеживаются большие связи с алано-хазарским миром, а именно с обитателями Салтова и Кавказа (Галиатский могильник), но не с волжскими болгарями, культура которых еще не имела в X в. достаточных специфических черт. Таким же странным кажется вывод, что на основании материалов могильников XIII—XIV вв. «территория, занятая мокшанскими памятниками, почти полностью совпадает с буртаской землей»³⁹. Следует сказать, что еще далеко то время, когда мы сможем точно наметить территорию мокши XIII—XIV вв., а тем более ее соответствие с буртаской. Автор заканчивает свою работу словами: «Лишь в свете археологических открытий, сделанных в советское время в Поволжье, стало возможным, оставив путь бесплодных блужданий вокруг известий восточных писателей и проверив их на конкретном археологическом материале, — разрешить буртасский вопрос»⁴⁰. Однако, несмотря на столь категорическое заявление, автор не разрешил поставленной им проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенных выше данных можно сделать следующие выводы:

1. Кажущаяся путаница в известиях древних писателей объясняется отличным от современного расположением гидрографической сети, связанным с частичным поднятием континента в Предкавказье (северных отрогов Кавказа, а именно — Терского хребта)⁴¹, продолжающимся вплоть до настоящего времени⁴².

2. Не всегда в письменных источниках X в., говорящих о болгарях, следует подразумевать волжских болгар. Очевидно, часть болгар обитала недалеко от Итиля. Именно этих болгар разгромил Святослав, и именно с этими болгарями соседил буртасы.

³⁹ В. В. Гольмстен, Надземные погребения в среднем Поволжье, стр. 24.

⁴⁰ Там же, стр. 25.

⁴¹ М. М. Жуков, Указ. раб.

⁴² М. М. Жуков, Миграция дельт рек: Волги, Кумы и Урала за последниково-е время, Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (Inqua), вып. IV, М.—Л., 1939, стр. 23.

3. Буртасы по ряду признаков не могут быть отождествлены с мордвой.

4. Упоминаемые в поздних русских документах буртасы были не автохтонным населением, а пришлым элементом, заброшенным сюда, вероятно, в эпоху татарского завоевания⁴³.

Следует отметить, что к близким выводам пришел одновременно с нами и А. П. Попов на основании изучения топонимики.

⁴³ А. П. Попов, Буртасы и мордва. Ученые записки Ленинградского ун-та, Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.